

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РИМА В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II ВЕКА ДО Н. Э. В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.А. Шаповалов

Аннотация. *Зарубежная историография военной политики Рима интенсивно развивается, хотя опирается на ограниченный круг источников. Их дефицит, субъективизм, противоречивость в деле формирования современного понимания (моделирования) военной политики преодолевается современными междисциплинарными подходами, привлечением методов и инструментария экономической теории и истории, социальной антропологии, геополитики, истории государства и права, социологии, что не характерно для академизма отечественного антиковедения. За несколько столетий системного научного анализа в западной историографии по военной политике Рима в Северной Африке сложилось несколько основных направлений, по своему объясняющих её реализацию, включая концепции античного империализма, расширения жизненного пространства, экономической конкуренции и/или цивилизационного противостояния с Карфагеном; захватнического или оборонительного характера римской военной политики, использования внешнего военного фактора в политической борьбе, извлечения политических дивидендов, полководческой славы и богатой добычи. Более чем двухтысячелетняя удаленность событий не препятствует дискуссиям, цель которых — не просто и не только уточнение отдельных событий и фактов, а актуализация вопросов разработки и реализации военной политики в современных условиях.*

Ключевые слова: *Древний Рим, Карфаген, Пунические войны, Югуртинская война, историография.*

302

Для цитирования: Шаповалов А.А. Военная политика Рима в северной Африке второй половины II века до н. э. в западной историографии // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Часть 2. С. 302–312. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-302-312

THE MILITARY POLICY OF ROME IN NORTH AFRICA IN THE SECOND HALF OF THE II BC CENTURY IN WESTERN HISTORIOGRAPHY

А.А. Shapovalov

Abstract. *Foreign historiography of the military policy of Rome is actively developing, although it relies on a limited range of sources. Their scarcity, subjectivism and contradictions in the formation of modern understanding (modeling) of military policy*

© Шаповалов А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

are overcome by modern interdisciplinary approaches, involving methods and tools of economic theory and history, social anthropology, geopolitics, history of state and law, sociology, which is not typical for the academicism of domestic classical studies. Over several centuries of systematic scientific analysis, Western historiography on Roman military policy in North Africa has developed several main directions, explaining in their own way its implementation, including the concepts of antique imperialism, expansion of living space, economic competition and/or civilization opposition to Carthage; the invasive or defensive nature of Roman military policy, use of external military factor in political struggle, extraction of political dividends, military glory and rich booty. The more than two-thousand-year remoteness of events does not prevent discussions, the purpose of which is not simply and not only to clarify individual events and facts, but to update the issues of the development and implementation of military policy in modern conditions.

Keywords: Ancient Rome, Carthage, Punic Wars, Jugurthine War, historiography.

Cite as: Shapovalov A.A. The Military Policy of Rome in North Africa in the Second Half of the II BC Century in Western Historiography. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 1, part 2, pp. 302–312. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-302-312

История Рима периода поздней республики, как собственно и история Рима в целом, в значительной степени была историей войн и связанных с ними социально-экономических и политических процессов. Исследовательский интерес к ним не ослабевает уже не одно тысячелетие, однако возможности его реализации сдерживаются относительной узостью источниковой базы, на которой строится исторический анализ военной политики Рима, его экспансии в Северной Африке.

Военная политика Рима в её современном понимании (государственная политика в сфере внешней безопасности, комплектования и использования вооруженных сил) в рассматриваемый период не становилась предметом комплексного монографического (диссертационного) исследования. В то же время активно изучались её отдельные сегменты: внешняя политика Рима, в том числе в Северной Африке, комплектование армии, ведение войн, тактика, оценка полководцев и др.

В зарубежной, как и российской историографии, основным источником для анализа Пунических войн является Полибий, а Югуртинской войны — Саллюстий.

Их субъективизм, временная удаленность исследуемых событий, проблематичность проверки информации неизбежно порождают проблему релевантности источников, а значит и выводов пишущих на их основе авторов.

В попытках установления подлинных фактов истории военной политики и римской провинции Африки следует учитывать характерное для античности смешение реального с субъективистским, мифическим или легендарным.

Факты римской истории нередко искажались применением принципа «этиологии» («причинности»), когда события и феномены военной политики объяснялись в рамках «этиологических» конструкций, объяснявших всё через призму деятельности легендарных личностей или событий. Здесь историческая истина искажалась в угоду политикам либо риторической тенденцией анналистики.

Таким образом, в исторической науке (как отечественной, так и зарубежной) сформировался определенный скептицизм относительно точного восстановления событий того времени, понимания их

причин и движущих сил. Ещё в XVII в. об этом размышлял Я. Перизоний [1].

В первой половине XVIII в. Л. Бофор в своей диссертации «Рассуждение о достоверности первых пяти веков Римской истории: диссертация» (1737) поставил под сомнение наличие фактической основы под традиционной историей Рима. Автор указывал на то, что римские историки вольно обращались с документальными источниками и памятниками, нередко не владели приемами научного анализа, попадая под влияние честолюбивых стремлений нобилитета, восхвалявшего своих предков за нередко вымышленные консульства и военные триумфы [2]. Хотя эта критика касалась в основном ранних веков римской истории, она заставляла задуматься над релевантностью и более поздних источников. На рубеже XIX–XX вв. Э. Паис впервые и весьма радикально формализовал и разграничил «сомнительный» и «достоверный» периоды римской истории, проведя между ними границу — III в. [3].

В своих работах о военной политике Рима исследователи-антиковеды стремились к приросту основанного на источниках научного исторического знания, которое часто не есть прямое и точное отражение прошлого, а лишь его современное моделирование, интерпретация.

Основой философской методологии этого подхода следует считать идею Г.Ф. Гегеля о том, что «история» — это, с одной стороны, реально происходившие события, а с другой — субъективное о них представление, которые философ призывал интегрировать [4, с. 57].

Таким образом, в силу удаленности событий и относительно слабой в сравнении с более поздними периодами¹

обеспеченностью источниками существуют две истории военной политики Рима и его африканской экспансии: реальная и пересказанная или смоделированная историками, пусть и на базе источников. Исходя из этого, вслед за Г.Ф. Гегелем, мы предполагаем, что сложно или невозможно написать (воссоздать) полностью «объективную историю» [там же, с. 59]. Следует оценивать вероятность существования реальной исторической действительности и её интерпретации сначала в античном источнике, а затем на его основе современным историком.

Следуя философской модели Г.Ф. Гегеля, историческая наука в большей степени формирует актуальное (на уровне современных достижений), но субъективное представление о событиях римской военной экспансии, чем реконструирует реально происходившие события. Такой подход оставляет поле для эксперимента, гипотез, дискуссий и взаимодействий различных школ и направлений научной антиковедческой мысли, современное состояние которой, её методология позволяют, критически подходя к римской литературной традиции, путем взаимозамещения, дополнения, комбинирования источников восполнять пробелы и уточнять детали.

Выше мы отметили наиболее цитируемых по нашей теме античных авторов. Полибий представляется А. Голдворти греком, отправленным в Рим в 167 г. в качестве заложника [5, с. 109]. Он признается Ф. Уоллбанком, наиболее известным автором, писавшим после 146 г. до н. э. [6, с. 227]. А.Е. Остин уточняет его информированность близостью к своему патрону и другу [7, с. 49], римскому

¹ Мировая история знала четыре претензии на мировое господство: Римская и Британская империи, наполеоновская Франция и третий рейх. Обязательным элементом всех глобальных притязаний была военная экспансия в Северную Африку, которая во всех случаях, кроме первого, надежно обеспечена широкой, документированной и доступной историкам источниковой базой. Военная политика Рима в Африке такой обеспеченности не имеет.

полководцу Сципиону Эмилиану, участнику военных событий в Северной Африке в годы Третьей Пунической войны [8, с. 98]. Именно это, по оценке Д. Ойоса, придает информации Полибия надежность и достоверность. В то же время автор акцентирует внимание на зависимости Полибия от Сципиона, чьи действия он излагал и интерпретировал в наиболее выгодном свете. Также автор сетует на то, что значительная часть истории Третьей Пунической войны была утеряна [3, с. 143]. В сочинениях Полибия американские историки выделяют вопросы военной тактики [9].

Комментируя «моральное видение» А. Экштейна (1995) [10], Д.У. Мур (2020) приписывает Полибию составление не просто «авторитетной истории восхождения Рима к господству в Средиземноморье», а работы, «явно предназначенной для того, чтобы преподать ценные уроки будущим поколениям», исходя из того, что сам Полибий «подчеркивал несравненную ценность практического опыта из первых рук». В данном случае, следуя за А. Экштейном, автор рассматривает текст Полибия, не разбирая по принципу «кто прав, тот прав», т. е. «макиавеллианский» взгляд на мир, а «пытается представить читателю важные нравственные уроки, отличные от практической пользы» [11]. Такие «уроки» не предполагают точности отражения событий.

Авторитет Полибия способствовал многочисленным интерпретациям его трудов и взглядов, к которым в зарубежной историографии принято относить и работы Тита Ливия, используемые современными историками Пунических войн, признающими, как отмечает К.Б. Чемпион, фрагментарность или отсутствие сохранившихся текстов о событиях после 167 г. до н. э. [12, с. 102]. Перелагая Тита Ливия, Л. Коллинз уделяет особенное

внимание Второй Пунической войне, разделив её на два основных этапа [8].

Признавая относительную неполноту источниковой базы, европейские авторы традиционно сопоставляют информацию из разных античных источников. Б. Минео, констатируя утрату многих ранних рассказов о Третьей Пунической войне или ее участниках, отмечает их вторичность относительно рассказов Плутарха, Диона Кассия и греческого Диодора Сицилийского [13, с. 116].

Завершающая Третья Пуническая война признается самой малообеспеченной источниками из всех Пунических войн, хотя большинство авторов и упоминают наличие монет, надписей, археологических свидетельств и даже эмпирических данных реконструкций [5]. Ф.В. Уоллбанк акцентирует внимание на информации грека Аппиана [14, с. 438], которую Б. Минео признает его «единственным полным и непрерывным рассказом об этой войне». В то же время Ф.В. Уоллбанк признает его вторичность относительно Полибия, отмечая оригинальность суждений [там же]. Аналогичной позиции придерживается и А. Голдворти [5, с. 22–23].

Римская военная экспансия в Африке, Пунические войны и Югуртинская война столетиями привлекали и сегодня привлекают внимание историков всего мира, но прежде всего европейских. В настоящем исследовании мы выделим работы Т. Моммзена [2], Л. Коллинз [8], Е. Пайса [15], Х. Скаллард [16], Дж. Джаннелли [17], которые в основном пользуются теми же письменными античными источниками, что и отечественные исследователи.

Т. Моммзен в своей «Истории Рима» [2] подробно рассматривает политику Рима в Северной Африке, начиная с середины III в. до н. э. и до окончания Третьей Пунической войны, результатом которой

стало разрушение Карфагена. Именно Т. Моммзен в своё время сформировал новый взгляд на причины военных действий Рима, полагая, что они не были изначально продиктованы стремлением к активной экспансии, а обусловлены нежеланием иметь «сильных» соседей, т. е. военная политика была в большей степени оборонительной. Исходя из этого, войны с Карфагеном автор отчасти признавал вынужденными, как и то, что от «оборонь» Рим быстро перешел к завоевательной политике, что особенно проявилось после падения Карфагена.

Схожей позиции об «оборонительном» характере Пунических войн придерживается Х. Скаллард [16]. Причины и цели военной политики Рима историк видит не в территориальной экспансии Рима, а в вынужденной защите. Так, анализируя предпосылки Третьей Пунической войны, Х. Скаллард приходит к выводу о том, что Рим руководствовался не экономическими, а прежде всего военно-политическими факторами, опасаясь усиления Нумидийского царства. С этой позицией сегодня сложно согласиться ввиду удаленности Нумидии, отсутствия у неё достаточных ресурсов, чтобы угрожать Риму, а также и в связи с тем, что в сравнении с Нумидией процветающий Карфаген был если не опасностью, то конкурентом для Рима.

Из оборонительного характера политики Рима в Северной Африке исходит и английский историк Р.М. Эррингтон [18, с. 338], придерживаясь концепции «оборонительного» империализма. Автор исходит из того, что политика Рима была не захватнической, т. к. Рим целенаправленно не стремился к завоеваниям, а вёл активную дипломатию, заключая союзы с африканскими и иберийскими племенами и государственными образованиями, отображая их роль в реализации военной

политики в Африке. Р.М. Эррингтон выделяет их роль в победе над Карфагеном.

Критики оборонительной концепции опровергают её, утверждая, что Рим стремился к агрессии для расширения своей территории, искал формальные поводы для очередной войны. Именно такой подход мы находим в работах У. Харриса [19, с. 2], который указывает на изначально захватнический характер действий в отношении Карфагена.

Концепция завоеваний для расширения жизненного пространства активно разрабатывалась итальянскими историками в период правления Б. Муссолини. Имперская и захватническая политика подробно обоснована в «Истории Рима» Дж. Джаннелли [17], который придерживался теории империализма в его геополитической, т. е. немарксистской трактовке, указывая на переход Рима после Второй Пунической войны к строительству империи сначала территориально, а затем и политически, в чём войны с Карфагеном стали важным этапом. Дж. Джаннелли уделяет внимание как государственному устройству Рима, так и римскому военному искусству, не интегрируя их в понятие «военная политика», а большее внимание уделяя такой причине успеха Рима, как отсутствие единства в политических кругах Карфагена, ослабления его политической системы.

Осторожный, с существенной долей критицизма к источникам и имеющемуся знанию подход мы наблюдаем в «Истории Пунических войн» Э. Пайса. Автор не вполне доверял античным источникам, считая их достоверность сомнительной [20], что в то же время не мешало делать акцент на экономическом и демографическом факторах в военной политике Рима в Северной Африке. Не вполне аргументируя свои выводы статистически, автор обосновывал типичную для империй

теорию дефицита пространства, к завоеванию которого римляне активно стремились. Эти концепции характерны для итальянской науки середины 1930-х гг., испытывающей влияние фашистской идеологии и концепций расширения жизненного пространства. Политическую ситуацию в Риме после победы в Третьей Пунической войне Э. Пайс анализирует, исходя из укрепления позиций нобилитета, а не республиканских ценностей, которые в тот момент уже находились в глубоком кризисе. Принимая во внимание и понимая политическую ангажированность автора, работа Э. Пайса важна, прежде всего, как пример и метод тщательного анализа античного источника, проверки содержащейся в нём информации [там же].

В целом наиболее насыщенной в плане описания и анализа военной политики Рима в рассматриваемый период является зарубежная историография Третьей Пунической войны и экспансии в Северной Африке. В этом направлении работали Р.М. Эррингтон [18], У. Харрис [19; 21], Э. Бэдиан [22], Ж. Каркопино [23], Д. Киннаст [24], Ж. Бриссон [25], В. Гофман [26], Э. Мароти [27].

Предпосылки и причины начала Третьей Пунической войны обстоятельно изложены в работе В. Гофмана [26, с. 326], где автор исследует период между Второй и Третьей Пуническими войнами, показывая роль нумидийцев в обострении конфликта и принятии Римом решения разрушить Карфаген. Историк придерживается мнения о том, что исходно римская сторона придерживалась мирного договора, заключенного с Карфагеном в 201 г. до н. э., считая его приемлемым и удовлетворительным. Появление в римских политических кругах мысли о том, что город необходимо разрушить, связывается В. Гофманом с агрессивной политикой

Масиниссы в отношении Карфагена, что стало одной из ключевых причин изменения римского политического курса. По оценке Гофмана, усиление в Риме демократической «партии» ухудшило отношение к Карфагену. Если во время Второй Пунической войны образ противника воплощался в личности Ганнибала, то к Третьей врагом стало уже государство в целом. Рассматривая политическую борьбу сторонников и противников разрушения города, В. Гофман полагает, что Рим не мог объявить войну без веской причины, а начало военных действий стало компромиссом политических сил.

Так, именно демократическая «партия» сыграла значимую роль в ухудшении отношений Рима и Карфагена, т. к. именно действия «демократов» закрепили в сознании римских послов миссии 152 г. до н. э. «враждебный» образ города.

Преимущества римлян в тактике и военном искусстве в целом, связанные в том числе и с социально-политическим строем в годы Третьей Пунической войны, обоснованы в работе Г. Дизнера [9, с. 92], где автор отмечает высокий уровень развития римской экономики, связывая его с военными успехами, а также приходит к выводу о благоприятном влиянии разрушения Карфагена на политическую и экономическую ситуацию в Риме.

Теория римского империализма лежит в основе подходов французского историка Ж. Каркопино [23], развивающего её применительно к военной экспансии в период Третьей Пунической войны, причину которой автор усматривает в интересах нобилитета.

В рамках социальной школы У. Харрис также обращает внимание на то, что войны были одной из значимых сфер жизни римского общества, причём не только для аристократии, но и для плебса, который

одобрял активную военную политику. У. Харрис отмечает, что продолжительная экспансия в североафриканском направлении была также экономически выгодна для различных слоев населения. В концепции исследователя стремление реализации «экономических интересов» занимает основное положение как основная причина ведения Пунических войн [19; 21].

Критики «экономической» концепции римской экспансии, в частности Э. Бэдиан [22, с. 117], отрицают такого рода обусловленность завоевательной политики Рима, включая и стремление к обогащению римской власти посредством военных действий. Автор полагает, что Пунические войны не были продиктованы экономическими факторами, аргументируя свою позицию разрушением Карфагена, который вполне мог быть использован как торговый и ремесленный центр. В пользу этой точки зрения говорит и передача после Третьей Пунической войны части территорий союзным народам. В то же время полностью исключить, как это делает Э. Бэдиан, «экономический» компонент вряд ли возможно хотя бы потому, что имперские амбиции Рима требовали колоссальных военных расходов, умножаемых коррупцией.

Этот аспект тесно связан с отдельным направлением военной римской историографии: исследованием деятельности исторических личностей, прежде всего полководцев и политиков. В этом смысле внимания заслуживает монография немецкого историка Д. Кинаста о Марке Порции Катоне Старшем [24, с. 95], его политической деятельности цензора, политических взглядах. Д. Кинаст анализирует предысторию и причины Третьей Пунической войны, отмечая, что Катон сыграл ключевую роль в начале данного военного конфликта. По мнению автора, объявление войны Карфагену в 149 г.

до н. э. не было продиктовано политическими интересами Рима в целом, но явилось результатом действий Катона, который видел в укрепившемся противнике угрозу для Рима. Д. Кинаст подчеркивает, что основной причиной настойчивости Катона в развязывании Третьей Пунической войны являлся холодный расчет: предотвращение дальнейшего усиления Карфагена, сохранение и развитие господства Рима в регионе.

Субъективистский подход автора тем не менее не снижает ценности исследования, в котором обстоятельно изложена предыстория Третьей Пунической войны, пусть и на фоне биографии Катона.

В существенно более широком контексте рассмотрены события войны в работе французского историка Ж. Бриссона о соперничестве Карфагена и Рима [25, с. 168]. Исследователь рассматривает значение военного противостояния Рима и Карфагена не только на уровне двух крупных государств, но и на уровне двух цивилизаций. Автор дает анализ предпосылок и последствий Третьей Пунической войны, выделяя политический фактор: борьбу Рима с основным соперником в средиземноморском регионе, укрепив своё превосходство. С этих позиций автор объясняет полное уничтожение Карфагена, возрождения которого в любом виде Рим не мог допустить.

Исходя из этого, французский ученый также придерживается концепции целенаправленной экспансии Рима в Северной Африке. В целом позиция Ж. Бриссона привлекательна комплексным, сбалансированным подходом, в рамках которого историк не противопоставляет экономический и политический факторы в вопросе разрушения Карфагена, но называет основной целью Рима в Пунических войнах не что иное, как достижение военно-политического господства в регионе.

Свои рассуждения о причинах разрушения Карфагена Э. Мароти [27, с. 229] начинает с причин и основных событий Третьей Пунической войны, уделяя внимание соотношению сил накануне военных действий. Автор полагает, что Карфаген готовился к противостоянию с Римом, и слухи о наличии у него военного флота, которые были получены римским сенатом от нумидийцев, можно считать правдивыми.

На ту же тему, но с иным акцентом размышлял Б. Кирнан, полагавший уничтожение Карфагена первым геноцидом в истории [28]. Историк уделяет особое внимание рассмотрению причин, побудивших Рим полностью разрушить Карфаген, а также подробно останавливается на личности Катона Старшего и его роли в принятии такого решения. Эта работа представляет интерес для нашего исследования в силу того, что Б. Кирнан вычленяет как причины, обусловившие изменения римской политики в отношении Карфагена, так и результаты Третьей Пунической войны, выделяя в том числе и социально-политический контекст. В то же время сложно согласиться с абсолютизацией роли Катона.

В целом зарубежная историография военной политики Рима в рассматриваемый период глубока по своей истории и содержанию, разнообразна по подходам, дискуссионна и имеет тенденцию развития. Её особенностью является опора на ограниченный круг источников, число которых если и расширяется, то крайне незначительно. При этом письменные источники, прежде всего произведения античных авторов, субъективны, подчас противоречивы и вот уже несколько столетий подвергаются западными авторами обоснованной источниковедческой критике.

Особенностью западной историографии является вариативность методологии, междисциплинарный подход, большой

скептицизм к достоверности источника, обязательная актуализация положений и выводов работ применительно к современности. Так, например, А.Е. Остин оценивает Сципиона Эмилиана как политическую фигуру с точки зрения как современной политики, так и общего политического развития Римской республики [29]. Сходной позиции придерживается Ле Боэк [30].

В этом смысле отечественное антиковедение отличается академизмом, переходящим в глубокий консерватизм, не допускающий в исследования концепции, методы и инструментарий экономической теории и истории, геополитики, истории государства и права, социологии.

Систематизируем основные позиции западной историографии по обоснованию и реализации военной политики Рима в Северной Африке:

- расширение жизненного пространства, потребность в строительстве империи (G. Giannelli, E. Pais);
- коммерческая конкуренция с Карфагеном (Y. Le Bohec, W.V. Harris, U. Vogel-Weidemann [31]);
- стремление гарантировать безопасность Рима от усиливающихся и потенциально агрессивных соседей, обеспечить стабильность в Средиземноморье (Т. Моммзен, Н.Н. Scullard, W. Hoffmann);
- цивилизационное противостояние Рима и Карфагена (J.-P. Brisson);
- стремление предотвратить в регионе большую войну, которая могла бы начаться со смертью 89-летнего Масиниссы (U. Vogel-Weidemann);
- использование Карфагена как политического «пугала» во внутренней римской политической борьбе (Y. Le Bohec, W.V. Harris);
- стремление к внутривосточным дивидендам, полководческой славе и богатой добыче (D. Kienast; A.E. Astin, Y. Le Bohec, W.V. Harris);

● стремление разрушить политическую систему, которую Рим считал для себя вредной или опасной (Y. Le Bohec, R. Shutt [32]).

Несмотря на то, что исследуемым событиям более двух тысяч лет, они

оживленно обсуждаются и дискутируются, принимая во внимание не только уточнение отдельных событий и фактов, но в большей степени актуальность самой проблематики выработки и реализации военной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Perizonius, J.* Animadversiones historicae, in quibus quamplurima in priscis romanarum rerum, sed utriusque linguae autoribus notantur, multa etiam illustrantur atque emendantur, varia denique antiquarum rituum eruuntur, et uberius explicantur. Amstelaedam, 1685.
2. *Моммзен, Т.* История Рима. М.: Наука, 1991.
3. *Hoyos, D.* Hannibal's Dynasty: Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC. New York: Routledge, 2005.
4. *Гегель, Г.В.Ф.* Сочинения. Т. 8. Философия истории. М., 1935.
5. *Goldsworthy, A.* The Fall of Carthage: The Punic Wars 265–146 BC. London: Phoenix, 2006.
6. *Walbank, F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford: Clarendon, 1979.
7. *Astin, A.E.* Scipio Aemilianus. Oxford: The Clarendon Press, 1967. 374 p.
8. *Коллинз, Л.* Ливий в изложении Лукаса Коллинза. СПб., 1877.
9. *Disner, H.-J.* Kriege des Altertums: Griechenland und Rom im Kampf um den Mittelmeerraum. Berlin, 1974. P. 88–144.
10. *Eckstein, A.M.* Moral Vision in the Histories of Polybius. Berkeley: University of California Press, 1995. 331 p.
11. *Moore, D.* Polybius: Experience and the Lessons of History // *Historiography of Rome and Its Empire*. Vol. 6. Leiden; Boston: Brill Publishers, 2020.
12. *Champion, C.B.* Polybius and the Punic Wars // *Hoyos, D.* (ed.). A Companion to the Punic Wars. Chichester, West Sussex: John Wiley, 2011. P. 95–110.
13. *Mineo, B.* Principal Literary Sources for the Punic Wars (Apart from Polybius) // *Hoyos, D.* (ed.). A Companion to the Punic Wars. Chichester, West Sussex: John Wiley, 2011. P. 111–128.
14. *Walbank, F.W.* Polybius. Vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1990.
15. *Pais, E.* Storia di Roma. Vol. 1. Part 1. Torino, 1898–1899.
16. *Scullard, H.H.* A History of the Roman World. London: Methuen, 1935.
17. *Giannelli, G.* Storia di Roma. Vol. 1. Bologne, 1938.
18. *Errington, R.M.* The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1972. 338 p.
19. *Harris, W.V.* Roman Expansion in the West // *A.E. Astin, F.W. Walbank, M.W. Frederiksen, & R.M. Ogilvie* (eds.). Cambridge Ancient History: Rome and the Mediterranean to 133 BC. Vol. 8. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. p. 107–162.
20. *Pais, E.* Storia di Roma durante la guerre puniche. Vol. 1–2. Torino, 1935–1936.
21. *Harris, W.V.* War and Imperialism in Republican Rome: 327–70 BC. Oxford, 1979.
22. *Badian, E.* Roman Imperialism in the Late Republic, 2nd ed. Blackwell, Oxford: Cornell University Press, 1968.
23. *Каркопино, Ж.* Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М.: Молодая гвардия, 2008. 420 с.

24. Kienast, D. *Cato der Zensor: seine Persönlichkeit und seine Zeit*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. 181 p.
25. Brisson, J.-P. *Carthage ou Rome?* Paris, 1973.
26. Hoffmann, W. Die romische Politik des 2. Jahrhundert und das Ende Karthagos // *Historia*. 1960. Bd IX. No. 3. P. 309–344.
27. Maroti, E. On the Causes of Carthage's Destruction. *Oikumene*, 1983. P. 223–231.
28. Kiernan, B. The First Genocide: Carthage, 146 BC. URL: https://gsp.yale.edu/sites/default/files/first_genocide.pdf (дата обращения: 21.10.2022).
29. Astin, A.E. *The Cambridge Ancient History: Rome and the Mediterranean to 133 BC*. Vol. 8 / A.E. Astin, F.W. Walbank, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
30. Le Bohec, Y. The Third Punic War: The Siege of Carthage (148–146 BC) // Hoyos, D. (ed.). *A Companion to the Punic Wars*. Chichester, West Sussex: John Wiley, 2011. P. 430–446.
31. Vogel-Weidemann, U. Carthago delenda est: Aitia and Prophasis // *Acta Classica*. 1989. Vol. 32. P. 79–95.
32. Shutt, R. Polybius: A Sketch // *Greece & Rome*. 1938. Vol. 8. Iss. 22. P. 50–57.

REFERENCES

1. Perizonius, J. *Animadversiones historicae, in quibus quamplurima in priscis romanarum rerum, sed utriusque linguae autoribus notantur, multa etiam illustrantur atque emendantur, varia denique antiquarum rituum eruuntur, et uberius explicantur*. Amstelaedam, 1685.
2. Mommsen, T. *Istoriya Rima* [History of Rome]. Moscow, Nauka, 1991. (in Russ.)
3. Hoyos, D. *Hannibal's Dynasty: Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC*. New York, Routledge, 2005.
4. Gegel, G.V.F. *Sochineniya. T. 8. Filosofiya istorii* [Essays, vol. 8. Philosophy of History]. Moscow, 1935. (in Russ.)
5. Goldsworthy, A. *The Fall of Carthage: The Punic Wars 265–146 BC*. London, Phoenix, 2006.
6. Walbank, F.W. *A Historical Commentary on Polybius, vol. 3*. Oxford, Clarendon, 1979.
7. Astin, A.E. *Scipio Aemilianus*. Oxford, the Clarendon Press, 1967, 374 p.
8. Kollinz, L. *Livij v izlozhenii Lukasa Kollinza* [Livy as Presented by Lucas Collins]. St. Petersburg, 1877. (in Russ.)
9. Disner, H.-J. *Kriege des Altertums: Griechenland und Rom im Kampf um den Mittelmeerraum*. Berlin, 1974, pp. 88–144.
10. Eckstein, A.M. *Moral Vision in the Histories of Polybius*. Berkeley, University of California Press, 1995, 331 p.
11. Moore, D. Polybius: Experience and the Lessons of History, *Historiography of Rome and Its Empire, vol. 6*. Leiden, Boston, Brill Publishers, 2020.
12. Champion, C.B. Polybius and the Punic Wars. Hoyos, D. (ed.). *A Companion to the Punic Wars*. Chichester, West Sussex, John Wiley, 2011, pp. 95–110.
13. Mineo, B. Principal Literary Sources for the Punic Wars (Apart from Polybius). Hoyos, D. (ed.). *A Companion to the Punic Wars*. Chichester, West Sussex, John Wiley, 2011, pp. 111–128.
14. Walbank, F.W. *Polybius, vol. 1*. Berkeley, University of California Press, 1990.
15. Pais, E. *Storia di Roma, vol. 1, part 1*. Torino, 1898–1899.
16. Scullard, H.H. *A History of the Roman World*. London, Methuen, 1935.

17. Giannelli, G. *Storia di Roma*, vol. 1. Bologne, 1938.
18. Errington, R.M. *The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1972, 338 p.
19. Harris, W.V. Roman Expansion in the West. A.E. Astin, F.W. Walbank, M.W. Frederiksen, & R.M. Ogilvie (eds.). *Cambridge Ancient History: Rome and the Mediterranean to 133 BC*, vol. 8. Cambridge, Cambridge University Press, 1989, pp. 107–162.
20. Pais, E. *Storia di Roma durante la guerre puniche*, vol. 1–2. Torino, 1935–1936.
21. Harris, W.V. *War and Imperialism in Republican Rome: 327–70 BC*. Oxford, 1979.
22. Badian, E. *Roman Imperialism in the Late Republic*, 2nd ed. Blackwell, Oxford, Cornell University Press, 1968.
23. Karkopino, Zh. *Povsednevnyaya zhizn Drevnego Rima. Apogej imperii* [Everyday Life of Ancient Rome. The Apogee of the Empire]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008, 420 p. (in Russ.)
24. Kienast, D. *Cato der Zensor: seine Persönlichkeit und seine Zeit*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979, 181 p.
25. Brisson, J.-P. *Carthage ou Rome?* Paris, 1973.
26. Hoffmann, W. Die romische Politik des 2. Jahrhundert und das Ende Karthagos, *Historia*, 1960, Bd IX, No. 3, pp. 309–344.
27. Maroti, E. *On the Causes of Carthage's Destruction*. Oikumene, 1983, pp. 223–231.
28. Kiernan, B. *The First Genocide: Carthage, 146 BC*. Available at: https://gsp.yale.edu/sites/default/files/first_genocide.pdf (accessed: 21.10.2022).
29. Astin, A.E., Walbank, F.W., Frederiksen, M.W., Ogilvie, R.M. *The Cambridge Ancient History: Rome and the Mediterranean to 133 BC*, vol. 8. Cambridge, Cambridge University Press, 1989.
30. Le Bohec, Y. The Third Punic War: The Siege of Carthage (148–146 BC). Hoyos, D. (ed.). *A Companion to the Punic Wars*. Chichester, West Sussex, John Wiley, 2011, pp. 430–446.
31. Vogel-Weidemann, U. Carthago delenda est: Aitia and Prophasis, *Acta Classica*, 1989, vol. 32, pp. 79–95.
32. Shutt, R. Polybius: A Sketch, *Greece & Rome*, 1938, vol. 8, iss. 22, pp. 50–57.

Шаповалов Александр Александрович, аспирант, Московский городской педагогический университет, Saprano007@yandex.ru

Alexander A. Shapovalov, Postgraduate Student, Moscow City Pedagogical University, Saprano007@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.12.2022. Принята к публикации 27.01.2023

The paper was submitted 16.12.2022. Accepted for publication 27.01.2023